ИСТОРИЯ
HISTORY

Научная статья
УДК: 323:930.2
DOI 10.18101/2949-1657-2026-2-52-57

Политика памяти в научной и просветительской деятельности профессора Юрия Петрова

© **Дьячковский Семен Николаевич**
кандидат политических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Россия, 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58
dyasn@s-vfu.ru

Аннотация. В статье выявляются механизмы конструирования подвига тылового региона как символического ресурса, а также адаптации федеральных стратегий увековечивания памяти о Великой Отечественной войне (ВОВ) к региональной специфике. В качестве примера рассматривается научно-просветительская деятельность основателя якутской школы политологии Ю. Д. Петрова, доктора политических наук, профессора исторического факультета Северо-Восточного федерального университета. Теоретическую основу составляют труды ученых, работавших в рамках концепции коллективной памяти. Для изучения конструируемого нарратива применяется методология политики памяти: выделяются основная идея, сюжетная линия, элементы-события, главные действующие лица, уроки истории. Юрий Петров как мнемонический актор делал акцент на формировании альтернативного нарратива о возникновении снайперского движения и изучении закрытых тем, связанных с массовой гибелью советских солдат. Внес аргументы в пользу включения региональной истории в нарратив единства фронта и тыла, об этничности как символическом капитале и маркере «чужого» со стороны вражеской армии. Автор обращает внимание на диспропорцию между вкладом этнических меньшинств в Победу и их презентацией в официальном пантеоне героев.
Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, политическое использование прошлого, Якутия, нарратив, история Второй мировой войны, пантеон символов, символическая политика.

Для цитирования
Дьячковский С. Н. Политика памяти в научной и просветительской деятельности профессора Юрия Петрова // Восточный вектор: история, общество, государство. 2026. Вып. 2. С. 52–57.

Проблема трансформации региональной историографии о Великой Отечественной войне актуализируется в первую очередь в связи с необходимостью противодействия фальсификации истории и формирования фундаментальных научных основ общероссийской идентичности. В трудах основателя якутской школы политологии Ю. Д. Петрова прослеживается попытка включения в научный оборот накопленного массива фактических материалов о вкладе Якутии в достиже-

ние Победы над фашистской коалицией. Профессор внес вклад в переосмысление места и роли тылового региона в общепринятом каноне государственной политики памяти в условиях смены исследовательской парадигмы. Период его деятельности совпал с переходом от постсоветской политики гласности к централизованной модели символической политики в РФ.

Цель статьи — выявить механизмы конструирования подвига тылового региона как символического ресурса на основе адаптации федеральных стратегий увековечивания памяти о ВОВ к региональной специфике.

Теоретическую основу исследования составляют работы Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана. Работая в русле учения Эмиля Дюркгейма, Хальбвакс [10] разработал концепцию памяти как социально обусловленного явления. По мнению ученого, реконструкция прошлого всегда избирательна и субъективна, так как парадигма мышления и ценностные установки исследователя задаются средой. Соответственно то, что не вписывается в социальные рамки памяти, предается забвению. Вместе с тем коллективная память выполняет функции объединения людей в группы и формирования чувства идентичности. Однако теоретик полностью не отрицает историческую память, которая, по его мнению, начинается с фиксации абстрактных фактов в описании глобальных процессов [2, с. 102].

Ян Ассман отдельно выделяет культурный и коллективный виды памяти [1]. Первый из них находит отражение в праздниках и обрядовых практиках, где образно воссоздаются значимые факты и воспоминания, а также обозначаются так называемые сакральные «места памяти». С переходом к письменной фиксации информации происходит закрепление канона для передачи новым поколениям — так происходит формирование коллективной памяти.

Методологические рамки исследования заданы разработками А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Е. Ю. Мелешкиной, Е. А. Махотиной [3].

Согласно понятийному аппарату, предложенному О. Ю. Малиновой, практики обращения к историческому прошлому в политическом контексте определяются как политическое использование прошлого. Под политикой памяти понимается деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики. Более широким понятием является историческая политика — «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [4, с. 19].

В рамках методики анализа нарративов, предложенной О. Ю. Малиновой, выделяются следующие критерии: основная идея, сюжетная линия, элементы-события, главные действующие лица, уроки истории [3, с. 42].

Е. Ю. Мелешкина подчеркивает важность внешнего контекста, на который, как правило, откликается политика памяти. В этом плане период научной активности Ю. Д. Петрова по изучению истории ВОВ совпал с периодом переоценки советской историографии в конце 1980-х — 1990-х гг., когда назрела необходимость в новой фундаментальной и фактологической базе дальнейших исторических исследований. Для Якутии он стал временем поиска региональной идентичности и национально-культурного возрождения. Кроме того, в деятельности ученого отчетливо прослеживается династический нарратив, а именно стремление

увековечить научное наследие своего отца Д. Д. Петрова, который внес значительный вклад в изучение роли республики в победе над Германией.

К слову, сам Юрий Дмитриевич как мнемонический актор свою деятельность называл «эстафетой памяти». Работая в этом направлении, он в качестве редактора переиздал труды Дмитрия Дмитриевича: «Якутяне в боях на озере Ильмень» и «Якутяне — одни из инициаторов снайперского движения в Великой Отечественной войне». Первая книга стала результатом исследования документов сотен воинских формирований. Д. Д. Петрову удалось выявить армейские части, где находились значительные группы воинов из Якутии — примерно по 500–600 человек.

Для символической политологии то, о чем «забывают», не менее важно, чем то, о чем «вспоминают» [3, с. 42]. В этом плане Юрий Дмитриевич отмечает следующие моменты: во-первых, «в советское время не принято было широко и официально пропагандировать вклад нерусских народов в дело Победы» [5, с. 4]. Во-вторых, такие операции, как переход через Ильмень, были закрытыми темами для широкой публикации, так как имели негативные моменты, связанные с массовой гибелью людей и неумением управлять войсками в подобной ситуации…» [5, с. 5].

В предисловии к переизданию книги «Якутяне — одни из инициаторов снайперского движения в Великой Отечественной войне» Юрий Дмитриевич обращает внимание на диспропорцию между вкладом якутских снайперов в Победу и их презентацией в официальном пантеоне героев. Он отмечает, что «нагрудный знак “Снайпер” стали вручать воинам лишь с мая 1942 г. Таких редчайших знаков фронтовой доблести удостоились около 100 воинов-якутян» [6, с. 4]. Также приводится зарегистрированный командованием счет лично пораженных врагов: «… у Героя Советского Союза Ф. М. Охлопкова 429 уничтоженных солдат и офицеров противника, И. Н. Кульбертинова — 252, Е. К. Петрова — 240, Героя Советского Союза А. А. Миронова — 129, Г. К. Федорова — 116, Д. А. Гуляева — 122, И. В. Погодаева— 80, Н. В. Прохорова — 77. Для сравнения приведем данные о лучших снайперах вермахта: на счету у Матияса Х. — 345, Зеппа А. — 257, Гельмута В. — 64» [5, с. 4]. Кроме того, редактором издания констатируется разрыв между реальным числом пораженных солдат и подтвержденными свидетельствами, так как факт уничтожения должен быть подтвержден офицером или двумя солдатами.

Впрочем, как отмечается в книге Н. В. Охлопкова, «успех снайпера исчисляется не людьми, которых он уничтожил, а влиянием, которое он оказывал на врага…» [5, с. 5]. Здесь речь идет об этничности как символическом капитале и маркере «чужого» со стороны вражеской армии. Аргументируя в данном направлении, Ю. Д. Петров подчеркнул, что «природные качества способствовали появлению якутских снайперов» [5, с. 5].

Также Ю. Д. Петров делал акцент на формировании альтернативного нарратива о возникновении снайперского движения по инициативе воинов 1291-го стрелкового полка, где преимущественно служили выходцы из Якутии. Благодаря такой актуализации «молчание» воинов в символической политике прерывается и они становятся субъектами политики памяти, способными конкурировать с носителями ленинградского нарратива о происхождении снайперского движения.

Кроме того, Ю. Д. Петров настаивал на трансформации образа якутского снайпера, предлагая переход от образа одиночки с винтовкой к более широкому символическому толкованию за счет включения в данное понятие артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков.

В авторском издании «В годы суровых испытаний (Якутский пединститут в 1941–1945 гг.)» Юрий Дмитриевич впервые систематизировал материалы об участии якутских студентов и преподавателей в боях на фронтах войны. С точки зрения характерной для политики памяти подхода истории повседневности профессор трансформирует историю учебного заведения в нарратив воинского долга и подвига тыла. Он подчеркивает, что преподаватели и студенты, «оставшиеся в институте, трудились и учились фактически за двоих-троих» [7, с. 7].

Ю. Д. Петров впервые опубликовал наиболее полный список имен участников военных действий и ветеранов тыла, ввел в научный оборот ряд уникальных архивных документов, фотографий и воспоминаний. Тем самым он применил инструменты персонализации памяти для формирования локальной идентичности и чувства сопричастности у новых поколений преподавателей и студентов.

Книга Юрия Дмитриевича «Вклад Якутии в дело Победы в 1941–1945 гг.» написана в духе концепции всеобщего участия. В ней также формируется нарратив тылового подвига, при этом автор стремился добиться признания Якутии в качестве полноценного участника ВОВ, а не отдаленной окраины, на основе методологии изучения «белых пятен» истории — раскрытия забытых, замалчиваемых или искаженных событий.

В частности, Петров считал, что цели и планы Японии в начавшейся войне нуждаются в конкретизации. Необходимо уточнение людских потерь и материального ущерба, понесенных сторонами, на основе единой методики. Отсутствуют сведения о структуре НКВД в годы войны и его действиях, практически не отражена деятельность Коминтерна в годы войны. До сих пор объективно не освещен национальный вопрос в ходе Великой Отечественной войны. Не изучена деятельность органов юстиции и карательных органов во время войны, а также остается открытым вопрос о судьбе советских военнопленных, возвратившихся на Родину. Кроме того, «необходимо выявить и установить истину в тех “исправлениях” истории Великой Отечественной войны, которые были допущены во времена Н. С. Хрущева» [8, с. 22], написал профессор.

В своем исследовании он раскрывает малоизученные вопросы участия якутян в битве под Москвой, в Сталинградской битве, обороне Ленинграда, сражениях на Белорусском фронте, освобождении Украины, Кавказа и Европы, разгроме Квантунской армии. Вместе с тем он обращается к теме участия 400 женщин Якутии в Великой Отечественной войне.

Юрий Дмитриевич считал, что сумма материального ущерба, понесенного воюющими сторонами, нуждается в уточнении по единой методике. В связи с этим в данной работе он также сделал акцент на экономическом вкладе Якутии, приводя аргументы в пользу включения региональной истории в нарратив единства фронта и тыла.

Ценностный аспект тематики войны раскрывается в другой книге Юрия Петрова под названием «Нести правду о войне». Здесь тоже применяются механизмы подтверждения подвига выходцев из Якутии на разных фронтах боевых действий. Центральный вопрос касается регионального травматического нарратива

народа, вызванного голодом в суровых климатических условиях Севера. На основе анализа статистических данных Петров делает вывод о демографической катастрофе в сельской местности: из 280 тысяч человек в тылу от голода и различных болезней умерло 38,6% — это 108 080 человек, что выше, чем в РСФСР и на отдельных оккупированных территориях СССР [9, с. 75]. Тем самым профессор символически разрывает официальную иерархию потерь, где тыл воспринимается относительно безмятежным местом. Далее он переносит эту травму в настоящее, отмечая, что «людские потери Якутии до сих пор отрицательно влияют на демографическую ситуацию», — создается так называемый эффект долгой памяти.

Анализируя научный дискурс, Ю. Д. Петров демонстрирует разброс данных в статистике демографических потерь в тылу — от 48 тысяч до 168 тысяч человек [9, с. 74], что создает впечатление недооцененной трагедии, а сухие цифры превращаются в поле символической борьбы. И здесь центральной фигурой становится председатель Совнаркома ЯАССР И. Е. Винокуров, который, рискуя жизнью, под свою ответственность разрешил колхозникам забивать скот на пропитание и добился смягчения продовольственных затруднений населения. Так Петровым вводится локальный моральный герой в лице Винокурова в противовес сложившейся системе.

Таким образом, общественно-просветительская деятельность и научные труды Ю. Д. Петрова представляют собой подходящий кейс для изучения конструирования памяти. Согласно избранной методике основной идеей стал нарратив о единстве фронта и тыла в русле неразрывной связи с историей СССР. Сюжетная линия выстраивается на основе парадигмы переосмысления в целях проработки социальной травмы с дальнейшей легитимацией образа Якутии как равноправного участника Победы. В качестве основных элементов-событий приведены «белые пятна» и «неудобные» вопросы, которые в советской историографии замалчивались, а также темы, связанные с ними. Главными действующими лицами были обозначены воины-якутяне на фронтах войны, труженики тыла, а центральной фигурой стал И. Е. Винокуров. В качестве основного урока истории выдвигается тезис о долге памяти как одном из оснований для общественной консолидации, и включения региональных нарративов в общенациональный пантеон символов.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / перевод с немецкого М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

2. Мачульская О. И. Морис Хальбвакс о социальной обусловленности индивидуальности // Опыт философского осмысления. 2015. № 9. С. 99–104.

3. Миллер А., Ефременко Д., Малинова О. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов. Москва: ИНИОН РАН; Нестор-История, 2018. 224. DOI: 10.31249/mims/2018.00.00

4. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под редакцией А. Миллера, М. Липман. Москва, 2012. С. 7–32.

5. Петров Д. Д. Якутяне в боях на озере Ильмень. 2-е изд., перераб. и доп. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2003. 32 с.

6. Петров Д. Д. Якутяне — одни из инициаторов снайперского движения в Великой Отечественной войне. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2008. 52 с.
7. Петров Ю. Д. В годы суровых испытаний (Якутский пединститут в годы войны). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2005. 138 с.
8. Петров Ю. Д. Вклад Якутии в дело Победы 1941–1945 гг. Якутск: Сфера, 2010. 96 с.
9. Петров Ю. Д. Нести правду о войне. 2015. Якутск: Сфера, 2015. 88 с.
10. Halbwachs M. Conscience individuelle et esprit collectif. *American journal of Sociology*. 1939; 44.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2026; одобрена после рецензирования: 10.06.2026; принята к публикации: 25.06.2026.

The Politics of Memory in Theresearch and Educational Activities of Professor Yuri Petrov

Semyon N. Dyachkovskii
Cand. Sci. (Polit.), A/Prof.
Department of History, Social and Political Sciences, Faculty of History
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinskogo St., 677000 Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia
dyasn@s-vfu.ru

*Abstract.*The article identifies mechanisms for constructing the wartime heroism of a home-front region as a symbolic resource, as well as the adaptation of federal strategies for commemorating the Great Patriotic War to regional specificities. As a case study, it examines the scientific and educational activities of Yuri D. Petrov, Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of History of the North-Eastern Federal University, founder of the Yakut school of political science. The theoretical framework is based on scholarly works developed within the concept of collective memory. To analyze the constructed narrative, the methodology of memory politics is applied, identifying the core idea, storyline, narrative elements, main actors, and historical lessons. As a mnemonic actor, Yuri Petrov emphasized the formation of an alternative narrative on the emergence of the sniper movement, the study of previously closed or sensitive topics related to the mass deaths of Soviet soldiers, and argued for integrating regional history into the broader narrative of front–rear unity. Furthermore, he examined ethnicity as a form of symbolic capital and as a marker of the "Other" from the perspective of the enemy forces, highlighting the disproportion between the contribution of ethnic minorities to the Victory and their representation in the official pantheon of heroes.

Keywords: politics of memory, historical politics, political use of the past, Yakutia, narrative, Second World War, pantheon of symbols, symbolic politics.

For citation
Dyachkovskii S. N. The Politics of Memory in the Scientific and Educational Activities of Professor Yuri Petrov.*Oriental Vector: History, Society, State.* 2026; 2: 52–57 (In Russ.)

The article was submitted 05.06.2026; approved after review 10.06.2026; accepted for publication 25.06.2026.